

Андрей Звонков

Проект А.К.С.О.Н

Фактор риска

Андрей Звонков

Проект А.К.С.О.Н.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69894973

SelfPub; 2024

Аннотация

В уличной драке погибает студент мединститута Михаил Зверев, а ночью его труп встает и уходит из морга. Следователь прокуратуры успел оповестить журналиста, чтобы используя шум в прессе, сдать дело городской прокуратуре, однако, нет тела – нет и дела. Михаил Зверев приходит в себя на берегу Яузы в районе Бабушкино. К следователю прокуратуры является генерал ФСБ Ковалев и забирает дело, заявив, что следователю не хватает допуска для расследования... а следователь узнает, что журналист, которому он слил информацию о драке и убийстве, был сбит машиной недалеко от морга из которого сбежал труп Зверева....

Содержание

БИБЛИОГРАФИЯ	4
Часть 1. Нет тела – нет и дела.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Звонков

Проект А.К.С.О.Н.

Обожаю запах зомби по утрам.

Сериал - "Нация Z"

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОРОЖЕЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТРЕЛЛЫ

Я ОСТАЮСЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!

АНАЛИЗЫ

ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ

НИКТО, КРОМЕ ВАС

НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ

ЧУМНОЙ ПОЕЗД

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ

ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. ФАТАЛИСТ XX

ПРОЕКТ А.К.С.О.Н.

КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ

ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ 2-е издание

Часть 1. Нет тела – нет и дела.

Глава 1. Зомби.

Врач накинул простыню на лицо трупа, лежащего на носилках в салоне машины «скорой помощи».

– Здесь больше нечего ловить. – Он выдернул из шеи умершего мужчины катетер от капельницы и залепил ранку пластырем. – Тампонада сердца.

Врач вылез из машины, давая напарнику прибраться в салоне после активной реанимации.

– Следаки хрен знает, когда приедут. Будем их ждать или повезем?

– Не знаю, – отозвался фельдшер, протирая пятна крови на полу влажными салфетками, – смена кончается, а у нас смерть в машине, еще три карты писать... можем не ждать, конечно, мы ж его в карету уже взяли, он теперь по-любому наш. Запросим морг. Хорошо если бы двадцатку дали, там судебный. Скинем кадавра и домой.

Фельдшер имел виду морг двадцатой больницы у метро «Бабушкинская».

– Был бы жив, отвезли бы уже, только не в морг, а теперь

спешить некуда. — продолжал он рассуждать, — до конца смены еще полтора часа. Время ни туда, ни сюда. Надо потянуть, а то еще вызов влепят.

Врач протер рукой усталое лицо.

— Домой хочется.

Водитель помалкивал, курил, высматривая проблесковые огоньки милицеевских машин. Газель стояла на газоне у парка рядом с метро ВДНХ. Рядом переминалась с ноги на ногу пожилая женщина, которая и вызвала «скорую».

Наконец, из-за поворота выскочила машина ППС.

Два милиционера с автоматами, деловито принялись выяснять данные вызвавшей женщины и бригады скорой.

Врач, уже опять сидевший в машине, вылез из кабины «скорой».

— Парни, мы пострадавшего уже взяли в карету, но он там умер. Следы остались, земля влажная и вот наш доблестный водитель их охраняет.

— А что произошло?

— Вроде бы драка была, этот молодец троих уматерил руками и ногами, а те как-то уползли, и к нашему приезду тут уже никого больше не было. Только вон там следы, клочья одежды, кровь, зуб вот лежит... — врач посветил фонарем на изрядно вытопанную землю.

Следов действительно было немало.

— Документы у него есть? — поинтересовался старший наряда пэпээсник.

– Есть студенческий, – врач протянул милиционеру синие корочки, – наш брат, студент-медик. Как его угораздило в эту драку влезть?

– Зверев Михаил Иванович, семьдесят восьмого года, третий курс первого меда, – записал данные в блокнот милиционер, – едут из РУВД, сейчас его судмедэксперт осмотрит и можете везти. Еще минут десять.

Врач протянул руку за студенческим билетом и поправил милиционера:

– Это прошлогодняя отметка, видите сентябрь две тысячи первый, и есть два варианта: его или отчислили, или он не сходил в учебную часть и не продлил студенческий, а значит он сейчас уже на четвертом, я лично склонен допустить второе.

Водитель «скорой», услышавший реплику пэпээсника, вставил свои «пять копеек»:

– Да можем и пятнадцать подождать! Мы до конца смены управимся, только бы дали не в Лефортово и не на Россолимо!

– Уже дали, – отозвался фельдшер, терзавший транковую рацию Моторолу поодаль от группы разговаривающих, – связь – говно, но едем именно в двадцатый. Нам осталось только дожидаться вашего эксперта.

Врач снова влез в салон скорой.

– Ты чего его от монитора не отключил? – спросил он фельдшера через открытую дверь.

– Забыл, – отозвался тот, – отключите, доктор.

– Смотри-ка, забавный феномен, он мертв, а сердце продолжает вырабатывать импульсы, правда слабые... вот, это говорит о том, что наш убиенный был здоров, как бык. Сердце хоть и с дыркой в левом желудочке, а дергается.

Он щелкнул выключателем кардиомонитора, сдернул кнопки проводов с электродов, приклеенных к груди трупа.

Рядом с машиной ППС остановился микроавтобус районного ОВД, вышли еще люди, в штатском, поговорили с милиционерами ППС, один быстро натянул перчатки и влез без спроса в салон газели «скорой».

– Из вещей, что у него было?

Фельдшер вытянул из салона спортивную сумку.

– Вот, экипировка для восточных единоборств, видно с тренировки возвращался. Смотри-ка, черный пояс!

– Черные пояса продаются, – усмехнулся водитель, намекая, что это ничего не означает, раз парня смогли убить.

– Есть хоть один очевидец происшедшего?

Судебный медик посмотрел на рану, не поднимая тельняшки убитого.

– Судя по форме раны, длинный плоский клинок, стилет или кортик ширина сантиметра полтора, не больше. Крови много было?

– Нет, – ответил врач, – все осталось внутри, снаружи не больше стакана. Он и умер-то не от кровопотери, а от гемоперикарда.

Судебный медик кивнул, соглашаясь.

– Да, если бы клинок не извлекли, можно было бы попытаться спасти.

Женщина с сумками подала голос:

– Я увидела, что он лежит и пытается ползти, а потом увидела кровь. Я тут живу неподалеку, от метро шла. Вот и звала «скорую».

– Да, – подтвердил врач. – Нас в дороге перехватили полиции. На «мужчина, без сознания в парке», а когда мы приехали, он был еще жив, но уже агонировал. Мы его сразу и забрали в карету. Но там оказалось ножевое в спине, точнее в боку сзади. Его с левой ножом ударили, по четвертому межреберью и заднеподмышечной линии, точно в сердце.

Эксперт вылез из салона «скорой».

– Быстро остывает? Забирайте. Куда вам дали?

– В двадцатый, – отозвался фельдшер. Его вещи вам или нам в морге сдать?

– Берите с собой все, только если мобильник есть, оставьте его следователю. А все остальное забирайте, – отозвался эксперт, отходя к микроавтобусу.

Милиция пошла изучать с фонарями место драки метрах в тридцати от машин, под деревьями.

Криминалист заливал следы ботинок гипсовым раствором. Собирал обрывки ткани, подобрал бегунок молнии от куртки, вырванные с мясом шипастые заклепки и пуговицы. Он предварительно все фотографировал, прикладывая ли-

нейку.

Дежурный следователь прокуратуры района «Алексеевский» в кресле микроавтобуса, подложив папку, заполнял протокол осмотра места происшествия.

– Я предварительно дело квалифицирую, как сто пятая, часть два: убийство одного группой лиц, – произнес он, оторвавшись от записи и разминая замерзшие пальцы, – наверное, не по сговору.

Приехала еще одна машина с людьми, тоже в штатском все, эти пошли к метро расспрашивать, кто, что мог видеть или слышать. Трясли в основном киоскёров и женщин, торговавших травами и носками у входа в подземный переход. Время вполне активное, все случилось еще от восьми до девяти вечера. Не может быть, чтобы не было свидетелей. Другое дело, что всем всё по барабану, ну зарезали кого-то и чего?

Видя активность милиции, останавливались редкие прохожие, спрашивали «А что случилось?», не получив внятного ответа, уходили.

Следователь закончил писать, взяв объяснение с вызвавшей женщины и ее данные, отпустил ее. Еще раньше он отпустил и бригаду «Скорой», те повезли труп в морг.

Стали по одному возвращаться оперативники, по зернышку приносившие информацию, кто что сумел узнать.

Кискер у метро сообщил, что слышал от прохожего, как скинхеды вчетвером били негра. Какого негра? Что за негр?

Да темно было, кто там разберет ночью все негры на одно лицо! В восемь уже темно, фонари только вдоль проспекта Мира, а тут тьма тьмущая... негр, говорят, тот сбежал... а потом? А потом и скины эти сдриснули, двое одного на себе тащили куда-то. А скинхеды эти местные? Да кто их разберет. Все на одно лицо, куртки, джинсы, бритые бóшки... Но их кто-то очень крепко уделал... видно этот самый парень, а они его ножом пырнули и врассыпную.

Следователь все записал в протокол. Действительно, скинхедов погибший крепко избил. Надо будет сейчас дать телефонограмму в травмпункты и больницы о подозрительных бритоголовых с разными повреждениями. Сообщить участковым местным о том, чтобы всех своих скинхедов и РНЕшников¹ проверили. План работ определен, он стандартен. Убийство человека группой лиц, это серьезное преступление, на тормозах не спустишь. Материал набирается.

Криминалист отчитался о добытых артефактах.

В кармане лежит телефон потерпевшего в специальном пакетике. Сегодня никому звонить не будем, чего людей нервировать на ночь глядя? Завтра все звонки. Дело об убийстве Михаила Зверева 1978 года рождения, москвича, по данным ЦАБ² – проживающего на улице Дыбенко 22 квартира 27. Там же прописана его мать Зверева Мария Михайловна 45

---

¹ РНЕ – русское национальное единство, фашистская националистическая организация. Запрещена в РФ.

² ЦАБ – центральное адресное бюро

года рождения пенсионерка, библиотекарь. В телефоне есть последний номер на который звонил убитый «Наташа», но сейчас звонить не нужно. Наташу потревожим завтра. Пусть спит.

«Скорая» сообщила, что в сумке убитого борцовское кимоно. Ну, понятно, борец за правду, вступился за угнетенного уроженца Африки и получил нож в спину. Все понятно. Где этот нож? Опера с собакой обшарили весь парк, нигде нет орудия убийства. Убийцы или унесли его или выкинули где-то в контейнер по пути ухода, теперь не найти.

Собачки походили кругами по дворам – ничего конкретного не обнаружили.

Завтра судебный медик его вскрыет и даст уже точное описание ножу, характеристике раны, описание кулаков убитого.

Следователь дал команду следственной бригаде собираться. Больше тут нечего искать, завтра будет день, будет и дело. Подтянутся докладные от участковых, сообщения из больниц и травм-пунктов. Криминалист и эксперт-медик дадут свои заключения. Будет над чем еще думать и анализировать.

Надо ехать в управление, подшить протоколы в папку, составить план предварительных следственных мероприятий для будущей группы. Попить чайку и если получится – поспать.

Только бы больше никого не ограбили не зарезали...

Середина сентября. Бабье лето прошло, зарядили холод-

ные противные дожди.

ППС и микроавтобусы разъехались. В парке стихло, редкие прохожие уже даже и не знали, что всего полтора часа назад на этом месте был убит человек.

Бригада скорой с мигалкой долетела до морга. Врач весело заскочил в помещение, выкликнул дежурного, а оказалось, что это – дежурная.

Хмурая девица в меховой безрукавке поверх халата, прижимая к груди учебник патфиза нелюбезно смотрела на врача.

– Что у вас? Неизвестный?

– Не угадала, – радостно объявил доктор, – как раз наоборот, твой коллега – студент медик, может быть, ты его знаешь?

Он выложил на стол пакет с вещами из карманов трупа:

– Вот его студенческий. Первый мед, не твой?

Дежурная мотнула головой.

– Денег две тысячи пятьсот рублей, мобилку следователь забрал.

– Сигареты у него есть? – все также хмуро осведомилась дежурная девица, – а то у меня кончились.

– Нет, – доктор развел руками, – видно, он не курил, спортсмен, вот – кимоно. Каратист, а погиб от бандитского ножа.

– Все там будем, – философски резюмировала дежурная, она смотрела на труп, одетый в джинсы, зеленую армейскую

куртку с серым меховым воротником, – тельняшка... он что – моряк?

– Десантура. Ты его раздень, наверняка, есть где-нибудь татуха с парашютом.

– А вы его не осматривали, что-ли? – удивилась девица, – вот еще, завтра разденут, кому надо.

– Мы только успели его занести в машину, и он откинулся. Агонировал уже, когда приехали, но он шевелился, ногами дрыгал и руками... а глаза были уже стеклянные, зрачки – как плоски... широченные. Мозг умер.

– А разве такое возможно? – удивилась дежурная, – Я о таком не слышала, чтобы мертвый шевелился.

– «Есть многое на свете, друг, Горацио, – процитировал доктор из Гамлета, – Что и не снилось нашим мудрецам». Я тоже не встречал такого – но это было, и он умер окончательно при нас. У него сердце билось еще, но дыра в левом желудочке – это дыра. Принимай и мы поехали.

Дежурная занесла все данные о принятом трупе в журнал, доктор расписался и бригада «скорой» уехала.

Девушка прошла между столами, осматривая судебные трупы, посмотрела на вновь прибывшего парня и, покачав головой произнесла:

– Молодой такой, и симпатичный. И лежит, как живой... не скажешь, что мертвый.

Она заложила входную дверь засовом. Выключила отопление, чтобы в помещении секционного зала было прохлад-

но, и ушла в «дежурку», где стоял масляный радиатор и уже ждали, еще теплый чай и застеленный диванчик.

Девушка еще около часа читала параграфы в учебнике патологической физиологии. Наконец, ее сморил сон, и она, не выключая света в дежурке, задремала.

Когда доктор «скорой» сказал, что у мертвого билось сердце, он и не подозревал, насколько был прав.

А если бы он не поленился и все-таки, раздел труп, то увидал бы, что рана в четвертом межреберье по задне-подмышечной линии почти затянулась.

И пульс на шее, на сонных артериях есть.

Но все это противоречило здравому смыслу, а потому никак не могло быть. А значит и проверять незачем. Мертвые не оживают.

Однако, вопреки этому мнению, отверстие в левом желудочке сердца, уже схватилось соединительной тканью и еще жидкая кровь продолжала все увереннее циркулировать по кругам кровообращения. Была она темно-вишневая, как в артериальном, так и в венозном русле, но вот, постепенно в легких...

Мышцы грудной клетки получили импульс, который пробился из дыхательного центра, и грудная клетка немного приподнялась, всасывая воздух морга, сократилась, выдыхая накопившийся в альвеолах углекислый газ, и снова и снова... в кровь пошел кислород.

Почти уже погибший мозг опять начал получать бесцен-

ный газ... ткань мозга, переполненная кислотами от недоокисленной глюкозы, конечно, отекала, но еще работали почки, хоть и перенесшие шок от низкого артериального давления, но сохранившие свою функциональность. Они не стали забирать из крови воду, только самую малость.

В крови было достаточно натрия и калия, кальция и хлора и все эти вещества пошли с артериальной кровью в мозг, вытягивая из межклеточного пространства нервной ткани и из клеток лишнюю воду.

Надпочечники выбросили кортизол, и тот стимулировал выход в кровь из печени белка – альбумина.

Адреналин уже истощил запасы гликогена в печени еще в момент смерти, но приток кислорода к надпочечникам в заметно посветлевшей артериальной крови помог им повторить выбросы этого важного гормона.

Мозг все быстрее избавлялся от отека, и включались его структуры от промежуточного до конечного³... последними от воды освобождались лобная и теменная зоны.

Труп Михаила Зверева открыл глаза. Зрачки трепетали, не имея возможности сузиться и дать в зрительный центр сфокусированное изображение потолка морга в полумраке,

---

³ Головной мозг имеет несколько отделов, которые считаются от спинного мозга на переходе в шее до лобного, все они называются «мозг» с указанием отдела, если считать от спинного: ствол, продолговатый, средний, промежуточный и концевой, он же – полушария большого мозга. Собственные названия имеют две структуры: мост, приклеенный к среднему мозгу и мозжечок, как и большой мозг, разделенный на две половины.

где единственным источником света было небольшое окошко комнатки дежурной, выходящее в секционный зал.

Труп изогнулся, подчиняясь судороге в спинных мышцах, вставая на пятки и затылок, локти и плечи... выгнувшись на столе из нержавеющей стали, он вдруг наклонился вбок и, теряя опору на столе с высоты в метр, рухнул животом и лицом и коленями на кафельный пол. Из рассеченного лба потекла кровь, но уже через минуту она остановилась, а ссадина над левой бровью стала затягиваться.

Шум разбудил дежурную, она приподнялась на локте и, не вставая, выглянула через окошко в секционный зал. Она не видела тело на полу, скрытый опорами других столов и она не видела за телами, что стол, на котором лежал труп Зверева, пуст.

Передернувшись от шальной мысли, что, вероятно крыса, каким-то образом пролезшая в секционный зал, скинула венчик души, которым обмывали трупы и столы после вскрытия.

Крыс она боялась, в отличие от трупов, потому решила не выходить. Лишь бы эти гадские звери носы мертвым не отгрызли, губы и уши... а могут. Потому что хрящики это самое вкусное...

Если мерзкие звери еще раз зашумят, придется выйти и включить свет. Подлюки-крысьюки света испугаются, и разбегутся.

Непонятный шум в зале не прекращался. Это тело Зверева

ва возилось на полу между столами, пытаясь встать на четвереньки, но колени в джинсах скользили по кафелю и он раз за разом плюхался животом и лицом на пол. Однако методичная работа мышц рук, ног и живота разгоняла лимфу, венозную кровь, которая перед этим уже собиралась сворачиваться, но именно хаотичные и малозаметные сокращения мышц не давали ей это сделать.

Артериальная кровь с кислородом начала поступать в мышцы, концентрация молочной кислоты в волокнах потихоньку уменьшалась, высвобождался кальций, и импульсы начинали доходить до мышечных волокон, увеличивая силу сокращений.

Наконец, с двадцатой или больше попытки, телу удалось приподняться на четыре кости: локти и колени, в оживающем мозгу активировались древнейшие центры рептилий, включился обонятельный центр, который сообщил телу, что оно находится среди мертвых и отсюда надо уходить. Неважно куда, главное туда, где свежий воздух, где вода, которой сейчас так не хватало оживающему организму.

Центр осязания учуял легкий сквозняк из-под уличной двери и направил движение тела в ту сторону, перебирая локтями и коленями, оно добралось, поползло, натываясь на опоры секционных столов до двери, и, припав к узкой щели, прикрытой резиновым фартуком-клапаном, принялось шумно носом втягивать сырой холодный уличный воздух.

Дежурная уже не могла уснуть, она лежала на диване, на-

тянув плед по самые глаза, и боялась выйти.

Она представляла себе орды бесчинствующих на мертвых телах хвостатых тварей с красными глазками... как они во-зятся, пищат... и острыми зубами кусают и рвут мертвую плоть.

«Дура, – вдруг услышала дежурная внутренний голос, – Тебя же накажут завтра, если судебные медики не досчитаются на трупах носов и ушей»!

Она пересилила страх и омерзение. Откинув плед, она встала, накинула меховую душегрейку и вышла в сумрак и вонь секционного зала. Осталось добраться до противоположной стены и поочередно включить ряды потолочных ламп дневного света. Крыс она на столах не видела, но благодаря воображению – представляла.

Она не заметила, что стол, где лежало тело последнего поступившего, пуст, а двигаясь между столами, дошла до стены, и рядом с входной дверью столкнулась с телом Зверева, которое лёжа дышало через щель под дверью.

До девушки не дошел факт, что это оживший труп, она вообще не поняла того, что увидела в темноте, протянув руку начала щелкать выключателями и мерцающий свет по очереди включающихся потолочных светильников заполнил весь зал.

Белый свет ртутных люминисцентных ламп, внезапно заливший пространство, ослепил глаза тела Зверева, и оно за-жмурилось на несколько секунд, а затем, снова разомкнув

веки, наконец, увидело вокруг себя препятствия и геометрически ровные объекты. Тело инстинктивно ухватило руки за ближайший стол и поднялось на ноги.

Мозг не мог вспомнить названия этих объектов, но сохранилось знание, что они достаточно устойчивы, чтобы на них можно было опереться.

Дежурная вдруг увидела труп Зверева, который стоял перед ней и перед входной дверью и мертвыми глазами смотрел на стену рядом с девушкой, оскалив зубы и его колотила крупная дрожь, отчего зубы стучали, как у зомби в фильмах ужасов.

Открытые глаза трупа с широкими зрачками смотрели мимо, и не понятно, что видели... потому что сосуды сетчатки частично были перекрыты микросгустками, и вся картинка, сформированная на задней стенке глазных яблок напоминала лоскутное одеяло из ярких участков и черных фрагментов – скотом⁴.

Но девушка вдруг увидела, как зрачки мертвеца дрожат, пытаясь сократиться и сфокусироваться на ней... Сейчас он поймет, кто перед ним и бросится, начнет рвать зубами шею!

От ужаса она завизжала и высокий, доходящий до ультразвука, крик ее пробудил слуховые анализаторы мозга Михаила Зверева...

Крик этот включил в древнейших структурах мозга ожив-

---

⁴ Скотомы – выпадения полей зрения, воспринимаются человеком, как черное пятно в видимом изображении.

шего трупа рефлекс, говорящий, что от опасности надо бежать и бежать срочно и как можно быстрее и дальше.

Тело Зверева принялось шарить руками по двери, боковым зрением, которое по непонятной причине восстанавливалось скорее, пытаясь определить, что не дает вырваться на волю... наконец, оно нащупало засов и принялось дергать его, приподнимая все выше. Труп при этом стоял, вывернув голову в сторону девушки.

Дежурная, захлебнувшись визгом, упала в обморок, под ноги телу Зверева, а оно, справившись с засовом, толкнуло одну створку дверей и вышло в осеннюю ночь больничного двора.

На асфальте в свете из двери морга заблестела лужа, тело упало на четвереньки и принялось слизывать эту воду, пока язык не начал скрести по асфальту. Это не утолило полностью жажду, но стало полегче, тем более, что дальше виднелась другая лужа и, не вставая на ноги, тело переместилось к новой луже и ее тоже вылизало... и дальше... так от лужи к луже, оно постепенно восстанавливало содержание воды, которая всасывалась уже в пищевод.

Кровопотеря наружу из-за ножевого ранения вышла не слишком большой. Заполнив полость перикарда, кровь после удара ножом помешала сердцу сокращаться и качать, но она излилась в полость средостения, в пробитом легком она заполнила плевральный синус слева, чуть поджав левое легкое.

К моменту активного движения из этих полостей вода уже всосалась, оставив плотные сгустки опеченёвшей крови.

Сгусток в перика́рде теперь не мешал сердцу работать достаточно эффективно. В крови, после того, как она чуть не свернулась в русле, быстро нарастала концентрация фермента фибринолизина, выброшенного печенью, и все сгустки быстро растворялись, не успев превратиться в полноценный тромб, оставляя после себя фрагменты белка, которые в медицинском мире называют ПДФ – «продукты деградации фибрина».

Свертывание крови, от максимального, качнулось обратно, и теперь по сосудам потекла жидкость, практически не способная свернуться, как у больного гемофилией.

Такая низкая вязкость крови позволяла ей отлично снабжать кислородом все отделы, включая и мышцы и мозг, то есть, максимально эффективно.

Клетки жировой ткани, подчиняясь печени, выбросившей в кровь фермент липазу и надпочечникам, продолжавшим выделять адреналин, принялись выдавать в лимфу запасы жиров-триглицеридов, которые, достигнув необходимых клеток–мишеней, в основном мышечных, подверглись распаду и дали необходимую энергию и воду, попутно засоряя кровь кетонами.

Количество подкожного жира сокращалось, отчего труп Зверева заметно «подсыхал» – худел.

С каждой минутой и ткани легких освобождалась от мик-

росгустков заполнивших артериолы и венулы системы газообмена малого круга кровообращения.

Тело Зверева, ощущая прилив кислорода и питания к мышцам, встало на ноги и, все больше обретая уверенность, двинулось по дорожкам мимо больничных корпусов, ориентируясь на запахи и ветер.

А манил древнего зверя, воскресшего в мозгу убитого студента, который еще так и не утолил жажды, запах близкой воды.

До реки было недалеко по меркам природы, но, весьма немало, по меркам города. Предстояло пройти чуть больше километра, до ручья, имевшего гордое название: «река Яуза». Где-то, ближе к центру города этот поток и может быть мог считаться рекой, а тут он был шириной метров восемь и глубиной до одного метра и имел травяные отлогие берега, поросшие бурьяном и кустами вербы.

Тело добралось до больничных ворот и столкнулось с полосатым слагбаумом.

Не спящий охранник, увидав, как, плохо державшийся на ногах, мужчина ощупывает штангу, и пытается выйти за ворота.

– Пьяный, мать его... опять кого-то из приемника выгнали...

Понаблюдав с минуту за этой борьбой, охранник, которому было лень среди ночи выходить из теплой каморки, нажал на кнопку пульта и штанга поднялась. Тело, потеряв опору,

снова пало на четвереньки, и так и вышло за ворота.

Уже собираясь пересечь улицу Енисейскую, тело снова поднялось на две ноги и, немного напоминая походкой вставшего на дыбы медведя, двинулось через проезжую часть, на которой в это время не было сплошного потока. А те редкие машины, что летели по пустому шоссе, увидав, явно нетрезвого человека, притормаживали и объезжали его.

У ожившего мертвеца стала настать температура тела, что ускорило все метаболические процессы, а когда тело Зверева, добралось до берега Яузы и плюхнулось в реку, то выбравшись на противоположный берег, утолив жажду, оно лежало в траве, и от него поднимался пар. Удовлетворившись и насладившись холодной речной водой, тело Зверева погрузилось в сон, больше напоминавший неглубокую кому.

В морге, тем временем, очнувшаяся от холода дежурная, рыдая и предчувствуя большие беды на свою голову, совсем не собиралась бежать вдогонку за сбежавшим мертвяком. Она закрыла дверь, снова заложила ее засовом и уже, не гася свет, пошла думать, что же делать теперь, и как объяснять утром заведующему патанатомией и судебным медикам этот неожиданный побег трупа из секционного зала.

Глава 2. Собачники

Дежурный следователь РОВД «Алексеевское», проснувшись в своем кабинете в шесть утра, заварил крепкого кофе

и принялся готовить отчет для утреннего доклада начальству о происшествиях, чтобы то достойно отчиталось в городском управлении, подавая сводку и докладывая о своих успехах.

Вечернее происшествие в парке у метро ВДНХ требовало продолжения в виде докладных от участковых, акта-заключения от судмедэксперта, заключений криминалиста, который приготовил все себе на утро, но с чистой совестью проспал дома всю ночь.

По горячим следам такие дела не раскрыть. Хорошо хоть эти самые следы не затоптали любопытные горожане и гости столицы.

Следователь взвесил на руке пока еще тоненькую папку, грозившую стать пухлой и, чего, греха таить, чьей-то весьма серьезной головной болью, а точнее получить название «висяк», потому что, перспективы на раскрытие у этого дела еще весьма туманные.

Следователь очень надеялся, что дело это достанется кому-то другому в управлении, а даст Бог, так и вообще городская прокуратура заберет. Но, чтобы забрала городская прокуратура, нужно, чтобы дело получило огласку и общественное мнение.

Следователь посмотрел на часы, шесть тридцать. Рано? Еще полчасика надо подождать.

Журналюги – обычно совы, семь утра для них рань несусветная... дрыхнут до десяти, в лучшем случае, а то и до часу дня.

Он посмотрел на листок, где числились важные дела на утро. Первыми числились:

«Позвонить Наташе (номер) и выяснить, кем ей приходится потерпевший»?

«Позвонить по домашнему номеру и сообщить о гибели сына матери Михаила Зверева, может быть, пригласить ее в морг на опознание... номер из базы данных ЦАБа приложен».

«Позвонить в деканат мединститута и выяснить там все, что возможно о пострадавшем, чтобы потом уже съездить туда и поговорить с группой, где учился студент Зверев».

На вскрытие труп Зверева должны взять одним из первых по степени важности, а значит, заключение судебной экспертизы будет готово до полудня – позвонить и узнать предварительные результаты, чтобы опера уже знали кое-какие важные детали. Там же должен быть и выбитый пострадавшим зуб, хотя нет... он у криминалиста или нет? Черт, а где зуб?

Следователь перелистал страницы в папке, а вот – зуб все-таки у криминалиста и тот, должен его отдать в морг или куда? Группу крови обеззубленного скинхеда он и сам выяснит, а что еще могут с ним сделать эксперты? ДНК – слишком дорогое удовольствие, на это нужно особое распоряжение. А для него нужно пошуметь...

Настенные часы показали семь.

– Пора! – сказал сам себе дежурный. Он полистал телефонную книгу и найдя нужный номер, набрал его. На том

конце долго не снимали трубку, наконец, сонный голос ото-
звался:

– Кто это, сволочи?

– Проспишь все самое интересное! – вместо приветствия
сказал дежурный, – вчера паренька убили, по слухам он за
какого-то африканца вступился, которого банда скинхедов
мутузила... так он им крепко навалял. Похоже, что он быв-
ший военный, десантник, каратист... но против лома, как
говориться... его ножом в сердце и ку-ку... скончался в ма-
шине «скорой». Интересно?

– Да как-то не слишком. А чего особенного? Ну, скины,
ну убили... мало ли у нас резали людей еще пять лет назад?
А может, он чеченам дорогу перешел?

– Вот ты и покопай... тебе и карты в руки, а главное по-
тереби своих друзей на телевиденье, пусть они это дело раз-
дуют...

– Надеешься, что высшая инстанция заберет?

– Честно? Да. Не то, чтобы это тухляк, но до конца квар-
тала статистику раскрываемости ломает всю... сам понима-
ешь. А для городской это – мелочь. Ну и волну борьбы с экс-
тремизмом можно раскатать. Скины совсем обнаглели.

Журналист проснулся окончательно.

– В сводку происшествий случай попал?

– Обижаешь, конечно! Даже сообщу тебе кое-что конфи-
денциальное: этот погибший – студент-медик, Михаил Зве-
рев. Ну, а дальше сам, сам!

– А институт-то какой? У нас их три!

– Не помню, его студенческий билет вместе с ним должен быть в морге двадцатой больницы, съезди и узнай все сам. Флаг в руки!

– Ладно, принял, – журналист положил трубку.

– Вот и славно, – пропел дежурный следователь из телефильма «Обыкновенное чудо», – трам-пам,пам... – он покривил душой, сказав, что не знает в каком меде учился Зверев, просто и так слишком уж много выдал информации. Что-то журналисту надо и самому узнать. Утечка следственной информации вполне могла случиться и по другому каналу – например, от медиков «скорой», которые тоже знали имя и фамилию погибшего.

Дежурный включил телевизор, заварил себе еще чашку кофе. «Наташе звонить рано»? – подумал он. Номер, судя по числу цифр – сотовый. Ничего себе подруги бедных студентов живут... впрочем, и сам убиенный...

Следователь выложил на стол телефон в пакете:

– Весьма достойный аппарат – Нокия 6510.

Криминалист уже снял с него пальцы, можно и позвонить. Прямо с него? Или не стоит?

Он думал, потом решился и нажал зеленую кнопку. Поднеся к уху аппарат, услышал звонкий девчачий голос:

– Мишка?! Ты чего так рано?

– Это Наташа? – спросил дежурный.

– Ой, а кто это? Мишка телефон посеял?

– Не совсем. Вас беспокоит дежурный следователь прокуратуры района «Алексеевский», вы можете к нам подъехать часам к девяти? – следователь назвал адрес.

– А что случилось, – взволновалась девушка, – Что с Мишей? Его арестовали?

– Вам все объяснят здесь, вы приезжайте, я не могу вам ничего рассказать, но вы все узнаете в личной беседе со следователем, который будет вести это дело.

– Какое дело? Да что случилось? – Наташа чуть не расплакалась.

– Наберитесь терпения и приезжайте. Мы вас очень ждем.

– Хорошо, я приеду, только вы его маме так не звоните у нее сердце слабое, умрет!

– Спасибо, что предупредили. Мы очень ждем вас, Наташа, – повторил дежурный.

«Ну вот, – подумал он, у мамы Миши слабое сердце... тогда ее беспокоить пока не будем».

По ТВ-центр коротко сообщили о ночном происшествии, что вчера в драке погиб молодой человек, судя по предварительным данным, он вступился за африканца, которого били экстремисты, но был убит. Ведется следствие.

–Ну вот, волну подняли, теперь бы не потушить ее.

В восемь сорок пять зазвонил телефон на столе и дежурный поднял трубку, а выслушав сообщение, изменился в лице.

– Как это нет трупа? Вы там с ума сошли? Куда он мог

даться? Не можете объяснить? А вы уж постарайтесь. Мне что, приехать надо? Ее задержали? Что вы мне лапшу вешаете на уши? Выкрали труп? Ей денег дали? Я сейчас наряд пришлю, не выпускайте эту девку! Это же ЧеПе!!! Немедленно ее сюда!

Дежурный в бешенстве кинул трубку на аппарат.

– Вот это номер! Труп Зверева исчез. Как это? Кто его мог забрать?

Поворот неожиданный. И первая мысль, пришедшая в голову – у «скинов» этих есть какой-то богатый покровитель, который выкупил у бедной студентки труп убитого и сейчас его или сожгут в какой-нибудь котельной или заруют в лесу. Черт!!!

Первым делом был порыв позвонить журналисту и дать отбой. Но тот трубку не брал. Теперь шума будет даже больше чем нужно. Дежурный взял папку с делом и пошел на утренний доклад к начальству, предчувствуя громы и молнии. Он успел позвонить в РОВД и отправить за сторожикой морга двух оперов.

***

– Миша! Мишка! – звал голос незнакомый, но явно не представляющей угрозы, что-то среднее между женским и детским голосом.

Зверев открыл глаза и смотрел на пасмурное небо. Он ощущал странный холод во всем теле, но будто чужой холод, потому что тело вроде как и не его. Он старался вспомнить

хоть что-то и вспомнил – над ним небо, а под ним – земля и трава. А вокруг него – кусты. Да, кусты. А то ощущение, что ему не нравится, называется холод. А то, что шевелит волосы на голове – ветер, правильно – ветер. Ветер дует, он всегда дует и потому – ветер. Ветер не может не дуть.

Зверев поднял руку и посмотрел на нее. Это – рука. Верно, на руке пальцы.

– Мишка-зверь, ты где, негодник!?

Голос звонкий и веселый, но чей, непонятно. Кто может так кричать? Рядом подались кусты, и из травы высунулась огромная голова с черным резиновым носом, печальными глазами с оттянутыми книзу веками. Нос, холодный и мокрый ткнулся человеку в щеку, втянул воздух.

Собака!!! Верно, это собака. Никак не вспомнится порода... что-то очень знакомое, не внушающее опасности, а как раз наоборот, это спасение... собака-спасатель.

Пес переступил через лежащего на земле человека и гулко басом гавкнул. Он сел рядом со Зверевым, снова гавкнул требовательно, зовуще.

– Мишка, ну, что ты там? – опять звал тот же голос, – Иди сюда! Негодник!

Пес не тронулся с места, а гавкнул опять и поднял правую лапу.

Зверев поднял левую руку и пожал огромную лапу.

– Привет, я тоже – Мишка. А ты тут с кем?

На эту фамильярность пес разразился звонким лаем,

вскочил, перепрыгнул через Зверева и опять залаял громко.

Михаил от движения левой рукой почувствовал дискомфорт и никак не мог понять, что он означает. И чем дольше пытался определить, тем сильнее убеждался – это боль. Только боль настолько тупая, что и болью то назвать нельзя. Так будто место, которое болит, обколото новокаином.

О, подумал Зверев, а что это новокаин? И вдруг, словно страница из справочника «Видаль» – новокаин это лекарство, он же – прокаина гидрохлорид, местный анестетик.

Рядом с большим псом появился какой-то мелкий бес, который ни секунды не сидел на месте, а принялся носиться вокруг Зверева и большого пса с громким высоким лаем.

– Джек! – раздался мужской голос, – ко мне!

Бесноватый мелкий пёс ускакал на зов хозяина, а огромный Мишка продолжил сидеть рядом со Зверевым. Он опять требовательно и зовуще гавкнул.

Зверев попытался повернуться на бок, но только повернул голову, потому что на него смотрело совсем юное девичье лицо с косичками.

– Мишка, ты кого это нашел?

Зверев откашлялся и попытался хрипло произнести:

– Мишка нашел Мишку... – но у него получился только какой-то хрип, потому что язык напоминал терку и совсем не мог шевелиться. – Фыфа фифу нафё...

Девочка улыбнулась.

– Вы что – пьяный?

Зверев покачал головой.

– А почему вы мокрый?

– Нифау... как-то сумел произнести Зверев, – тея?

Девочка не сразу поняла его вопрос.

– Это парк Яуза, – ответила она.

Зверев понял, что река Яуза где-то рядом и, видимо, он в ней искупался.

– Яуфа... хфо.

Он попытался присесть.

– Ой, – сказала девочка, – а у вас куртка разрезана. Вот тут... и она мокрая, снимите, а то простудитесь.

Зверев стащил бушлат, оставшись в джинсах и тельнике. Несмотря на прохладный ветерок, он этого не замечал. Ему было сложно говорить, думать и двигаться нормально еще не выходило, но он сделал, что ему сказала хозяйка пса Мишки.

Девочка, ткнула пальцев за спину.

– Дядя, а у вас и тут дырка и кровь, кажется, на тельняшке... только ее вода почти смыла.

Зверев задрал тельник до шеи.

– А фуф фто?

– Вот только шрам, тонкий, как ниточка и розовый.

– Шра... яфно. – Он покачал головой. Никак не получалось вспомнить, как он сюда попал и что с ним было, и кто он? Имя вот вспомнил...

Зверев машинально отжал тельник и натянул еще влажный опять на голое тело.

– Холодно же, – сказала девочка, – вы простудитесь.

Зверев принялся выжимать и мокрый бушлат, но это вышло плохо, хотя часть воды все-таки вытекла.

– Ничего, – вдруг четко произнес он. – Палк Яуза это где?

Девчонка хихикнула, почему-то она совсем не боялась незнакомого мужчину, который явно не в себе. Очевидно, что смелости ей придавал огромный пес.

– Бабушкино. Знаете?

Зверев отрицательно мотнул головой, нет, и вдруг вспомнил.

– Знаю. Фа. Это севефо-вофток... Москва. А я... – он потряс головой, – я из Хофино... заеф?

– Хофино? Нет.

– Сефево-сапат... там Химки ятом.

Кажется, она не поняла ни про Ховрино, ни про северо-восток...

Девчонка обрадовалась.

– Хотите я вас к метро провожу? Тут недалеко. Вам какое лучше: Свиблово или Бабушкино?

И вдруг, словно лампочки замелькали в голове, Зверев даже зажмурился, так стремительно начала возвращаться память.

Он собрался и сел на землю уже нормально, а не боком. Хотя вспомнилось не все, события последних суток так и остались где-то за границей памяти, но главное он вспомнил. Его зовут Михаил Зверев, он десантник, ОДШБ 31, Моз-

док. В ноябре девяносто седьмого его демобилизовали. Он – снайпер разведвзвода. По контракту служить не остался. А дальше?

Мозаичность воспоминаний, будто головоломка из кусочков, только многих не хватает.

– Ты где живешь? – спросил Михаил, уже справившись с языком.

– Тут, на Чукотском, – ответила девочка, – а вы?

– На улице Дыбенко.

Он встал на ноги и осмотрел себя. Штаны мокрые, берцы вдрызг пропитались водой, но уже подсохли. Выход один – марш-бросок. Сколько же это от Бабушкинской до Ховрино если по прямой? А по прямой не выйдет.

Вдруг в мозгу как вспышка – карта Москвы и сложившийся маршрут по улицам с финальным результатом – пятнадцать километров.

Если идти три часа, если бежать – два. В другое время он бы не задумываясь рванул, сейчас чего-то не хватало.

Михаил смотрел на пса Мишку.

– Как тебя зовут?

– Ленка, Лена, – ответила девочка.

– Слушай, Лена, меня в таком виде в метро не пустят, документов нет, – он даже не полез проверять, после купания в реке можно не смотреть. – А я уже сутки ничего не ел. Ты можешь мне принести пару бутербродов хотя бы? Я побегу домой.

– Как побежите? – не поняла девочка.

– Ногами, – усмехнулся Михаил. – Для десантника пятнадцать километров не расстояние. Быстро не побегу, внимание обратят, придется трусцой, как спортсмен.

– Пойдемте, я собаку отведу и вынесу вам поесть. – Лена прицепила к ошейнику Мишки поводок, – Пошли, зверюга!

– Это сенбернар? – вспомнил Зверев породу собаки.

– Нет, Московская сторожевая, мне с ним ничего не страшно.

Пока Лена бегала домой, Михаил присел на лавочке у подъезда, идти к ней в квартиру он отказался. Через десять минут Лена вынесла пакет, в котором было пять бутербродов с колбасой завернуты в фольгу и бутылка йогурта «Мажитель».

– Вот, это докторская, и я подумала, что надо же запить это. Верно?

– Верно, – улыбнулся Зверев и мигом съел три бутерброда, выхлебнув полбутылки йогурта. – Уф... как хорошо... сейчас минутку еще посижу и доем.

Лена стояла рядом и улыбалась.

– А что с вами случилось? Почему вы были на берегу и мокрый? – наконец, она начала расспрашивать.

– Если бы я знал, – признался Михаил. – Последних суток в голове, как и не было.

Он доел бутерброды, допил йогурт, стянул тельняшку. Засунув ее в рукава бушлата, повязал его вокруг пояса, остав-

шись с голым торсом.

Лена заворожено смотрела на его высушенное атлетическое тело с рельефными мышцами, голубую татуировку с группой крови и резусом на груди слева. А рядом девиз в рамке: «*Никто, кроме нас!*»

– Вот так, Лена, – он встал. – Прощай, ты настоящая пионерка. Будь готова!

Лена улыбнулась.

– А я не пионерка, это кто?

– Это была такая организация в моей юности, общественная, юных коммунистов. На клич «Будь готов», отвечали – «Всегда готов»!

– Прикольно.

– Я побежал. Спасибо.

– Пожалуйста, – ответила Лена, – мне четырнадцать, а вам?

– А мне в два раза больше, – улыбнулся Михаил. – Даст Бог, еще увидимся.

Он пошел, ускоряясь, в сторону проезда Дежнёва и перешел на ровный спортивный ход около десяти-двенадцати километров в час.

Глава 3. Это наше дело!

Бывший дежурный следователь Алексеевской прокуратуры получил чего боялся – дело пропавшего труп.

Теперь ему надо было выяснить, куда делся труп?

Папка с делом уже заметно подросла. Но все добытое перекрывалось одной странной бумажкой из морга №20.

«Объяснительная» дежурной Сергушовой Эльвиры содержала пьяный бред. Но алкоголя в ее крови, как и наркотиков – не обнаружено.

Она же твердит, что ночью труп Михаила Зверева, доставленный бригадой «скорой» 17 подстанции СМП в 21:20, в два тридцать ночи встал с секционного стола и, добравшись до входной двери, скинул засов и ушел. Дежурная же от страха потеряла сознание. В себя девушка пришла около трех часов ночи, закрыла дверь и ждала утра.

А вот показания охранника на воротах больницы: примерно без четверти три к шлагбауму подошел пьяный, судя по походке, мужчина и принялся ломать штангу, толкаясь в нее всем телом. Чтобы пластик не был поврежден, охранник открыл его и пьяный, упав на четвереньки удалился в сторону Енисейской улицы.

А это значит, что дежурная не врет и «скорая» действительно констатировала еще живого человека.

Дознаватель съездил на дом к врачу бригады и получил скандал.

Врач решил, что это розыгрыш... пришлось попотеть, убеждая, что все более, чем серьезно. Врач в ответ дал дознавателю дубликаты кардиограммы с прямой линией и редкими импульсами пять – семь в минуту:

– Это ритм умирающего сердца, – объяснил он, пульс не определялся, дыхания не было. Зрачки по самую радужку – мертв был ваш сбежавший труп на все сто процентов!

– А как же объяснить, что он ушел?

– А это уже не мое дело, – выгнал врач милиционера, – Это пусть ваши умники объясняют, а я зафиксировал смерть и мертвого человека доставил в морг. Копия карты вызова у вас есть. Где этот зомби?

– Никто не знает. Он пропал. Ушел.

– Вот когда найдете его, пусть он и объяснит, если сможет, как ему с ножевым в сердце удастся жить?! А я этого объяснить не могу. Я врач, физиолог и анатом, а не мистик. И если у человека в левом желудочке дыра сантиметровая, то он обязан умереть от тампонады сердца, то есть – гемоперика́рда⁵. Понятно?

Милиционер на всякий случай кивнул.

Следователь прочитал карту вызова, описание агонии и смерти, развернул приложенную пленку ЭКГ, все верно. Смерть зафиксирована.

Он уже готовился переквалифицировать дело, но тут подошли докладные от участковых, и у них выловились четыре скинхеда, из которых у одного был вывих правого плеча, с ним он пришел в травмпункт утром, у второго открытый пе-

---

⁵ При разрыве миокарда кровь изливается в полость перикарда – наружной оболочки, сдавливая сердце и не давая ему качать кровь, это называется Гемоперикард (кровь в полости) или тампонада сердца (критическое снижение насосной функции).

релом обеих костей предплечья, на который он вызвал «скорую» из дома, двое других были в изорванных куртках без клепок и пуговиц, оторванный бегунок с места драки полностью совпал с молнией куртки четвертого... у него же и кортик морской обнаружился, которым он пырнул Зверева.

У преступников взяли объяснение, и тут пошла полная чертовня...

Они действительно отловили студента РУДН и решили отмутузить, отжать мобилку и если есть, то и доллары. Но не успели начать, как подошел этот десантник, и одного из нападавших отправил в нокаут с первого удара, сказав, что он в воздух не стреляет, а бьет без предупреждения. Трое навалились разом, и он их как котят расшвырял, а нокаутированный пришел в себя и засадил дедовым кортиком ему в спину с левой, потому что левша.

Парень упал. Скины полезли к нему сумку, там было только кимоно, пока спорили, кто будет труп обыскивать, этот парень встал и зарычал, он их начал рвать зубами, сломал руку одному, вывихнул и чуть не оторвал по самое плечо второму... он вел себя, как зверь, как медведь... и глаза мертвые.

Так длилось минуты три, а потом он упал на землю и стал биться в конвульсиях. Перепуганные скинхеды сбежали. Такого ужаса им никогда не приходилось переживать. Особенно, когда мертвый встал на ноги и разогнулся, подняв руки с растопыренными пальцами, им показалось, будто вместо

ногтей – когти.

Следователь подколот и эти протоколы допросов, понимая, что скины от этого бреда откажутся, если трупа не найдут, но они еще не знают, что труп пропал. Никто из них кражу не инициировал, кишка тонка на такие операции.

Можно было допустить, что какой-то авантюрист подкупил дежурную в морге, охранника на воротах больницы, но с таким человеком ни у кого в окружении преступников связи нет. Да и денег таких нет. За бутылку водки такую аферу не провернуть.

Ясно было одно, в суд с этим делом не пойти. И это даже не висяк, это ахинея полнейшая. Сейчас скинхеды откажутся от показаний. Трупа нет, а нет тела – нет и дела. Осталась эта Наташа и мама Михаила Зверева. Наташа не пришла, хоть и обещала, маме не дозвонились. Пока не дозвонились.

Дело сыпалось. Еще и журналист этот все сам раскопал и уже двинул на своем канале репортаж в передаче «ЧП в городе», и про драку со скинхедами, и про то, что труп исчез. Хватило ему ума не сообщать, что тот сам ушел, если поверить дежурной морга.

– У меня что, других дел нет? – спросил в воздух следователь.

В дверь постучали.

Вошел солидный холеный мужчина лет пятидесяти в дорогом костюме, он помахал корочкой ФСБ на имя генерал-майора Ковалева и попросил разрешения ознакомиться

с делом Зверева. Причин отказывать ему у следователя не было, и он придвинул папку вошедшему.

– Пожалуйста, читайте.

Следователь делал вид, что увлечен прочими заботами, однако с любопытством поглядывал на генерала, который тем сильнее хмурился, чем дальше погружался в абсурдность документов из папки.

Закрыв ее, Ковалев сказал:

– Я хочу забрать у вас это дело, оно из моей компетенции и вас никак не касается.

– Погодите, так он что, правда, ожил? – удивился следователь.

– Пока не знаю, но у нас, чтобы разобраться в этой каше, есть все необходимые средства и люди. Что я должен сделать, чтобы впредь не возникало этой темы для разговоров в вашей среде?

– Ну, разве что убить нас всех, – пошутил следователь.

Генерал посмотрел на него без улыбки.

– Вы полагаете, это лучший способ?

Следователь стер с лица глупую ухмылку.

– Ну что вы, я пошутил.

– Так вот, если я обнаружу утечку из вашего сообщества в виде слухов и ненужных интересов со стороны внутренних органов, мне, возможно, придется так и поступить. Но дело это хлопотное и лично мне неприятное. Я рассчитываю на вашу профессиональную этику, которая значительно отли-

чается от журналистской этики.

– Вы не беспокойтесь, – у следователя задрожали руки, – я все оформлю, папку вы можете забрать. А что мне делать с этими бритоголовыми? Они же в ИВС⁶ оформлены за убийство.

– А кого они убили? – осведомился генерал, убирая папку в кейс, которого следователь не заметил.

Повисла томительная пауза. Действительно, кого?

– Я понял. – догадался следователь.

– Вот и хорошо, мой дорогой, нет тела – нет и дела.

– Так это вы... ваш... я понял.

– Я надеюсь на ваше благоразумие и профессиональную этику, – повторил Ковалев, поднимаясь, – а хулиганов вы можете посадить на полмесяца за драку в общественном месте. Например, африканец, которого они били, сегодня к вам зайдет после занятий и напишет заявление на них. Даже опознает кое-кого из хулиганов.

– Я понял.

– Счастливо оставаться, надеюсь, что мы больше не увидимся. Честь имею.

Генерал вышел, а следователь выпил два стакана воды и, когда утихла дрожь в руках, принялся писать необходимое оформление по переквалификации дела.

Он забыл спросить, а что будет с дежурной из морга и врачом скорой? Они-то видели труп Зверева.

---

⁶ ИВС – изолятор временного содержания

Ему оставалось ждать обещанного генералом африканца, и тот действительно пришел.

Солоба́ Кейта́, студент четвертого курса юридического факультета из Мали, представитель народа масаев.

Солоба́ опознал троих из четверых скинхедов, подробно рассказал, как оказался у ВДНХ, что эти парни следили за ним от метро, нагнали в парке и сбили с ног... он сопротивлялся, кому-то выбил зуб, порвал куртки и даже нанес кое-какие увечья.

В доказательства ма́лиец показал справку из клуба восточных единоборств при университете, куда ходил уже третий год. Потом ему удалось уйти от нападавших, пока они разбирались со своими увечьями. В доказательство драки Солоба́ показал какие-то непонятные на черной, как сапожная вакса, коже, синяки.

Скинхеды утверждали в один голос, что это был не тот негр, этот маса́й – двухметровый атлет, а тот был дрыщ, метр с кепкой... и на такого они б никогда не напали.

Но их никто не слушал, а, к вечеру, видимо адвокат им объяснил, что лучше получить пару лет условно за драку, чем мотать до десяти лет за убийство в колонии строго режима. Потому что им общий режим, в связи с их образом философии и общественной опасностью – не светит. О том, что трупа нет скинхедам предусмотрительно не сообщили.

«Скины» замолчали и признали все, то есть, опознали Кейту́.

– Да, это был он. А они серьезно раскаиваются и больше не будут...

Жирнущую точку лично для следователя в этой мутной истории поставил вечерний звонок на квартиру журналисту, из которого он узнал, что ретивый борзописец еще днем был сбит машиной насмерть при переходе Енисейской улицы в неположном месте, как раз рядом с моргом, куда он приходил, чтобы расспросить работников о трупе Михаила Зверева.

Следователь окончательно убедился в могуществе генерала Ковалева и постарался забыть обо всем и вытереть из памяти всю информацию о пропавшем трупе.

Оставался только телефон «Нокия», про который следователь во всей этой кутерьме забыл начисто. И вспомнил, только, когда тот зазвонил в ящике стола в начале четвертого.

– Здравсьте, это Наташа Евдокимова, вы мне звонили утром, помните?

Следователь вспомнил утренний разговор и мысленно поблагодарил девушку, что та не пришла, а та сама призналась:

– Вы извините, у нас сегодня было очень важное занятие, и я никак не могла его пропустить, мне надо прийти? А это вы нашли Мишин телефон?

Следователь вытер взмокший лоб и, как можно спокойнее, ответил:

– Да, Наташа, вы можете забрать аппарат у секретаря, его

нашли на месте преступления, естественно выясняли, чей и как с ним связан?..

– А вы не знаете, где Миша?

– Сожалею, но о нем мне ничего не известно, – постарался, как можно убедительнее, соврать следователь. – Просто на месте драки мы нашли этот телефон, вот и выясняли, чей он и какое может иметь отношение к преступлению. Выяснили – никакого.

– Его не было сегодня в институте, я волнуюсь.

– Я думаю, он найдется, – следователь очень хотел закончить разговор поскорее, – ну а если нет, напишите заявление и тогда его будут искать. Больше я вам пока ничем помочь не могу. Извините, Наташа, много работы. У секретаря заберете этот аппарат. Запомнили? Адрес вы знаете.

– Да, знаю, – голос Наташи стал растерянным, – спасибо.

Следователь занес аппарат секретарю прокурора района и предупредил:

– Придет девушка Наташа, просто отдайте ей этот аппарат и все.

– А расписку?

– На ваше усмотрение, но он к делу не относится. Хочешь? Возьми. Мне эта расписка не нужна. Аппарат не вещь, просто находка.

Вернувшись к своему столу, следователь еще раз выпил воды и попытался думать о чем-нибудь приятном.

***

Зверев добежал до дома, в сквере у дома он натянул еще влажный тельник и немного просохший на ветру бушлат.

Его никто не останавливал, а вот голова стала подбрасывать интересные сюрпризы: видения вроде галлюцинаций. Причем явно с каким-то пророческим содержанием.

Так он видел выезжающий из-за поворота грузовик, которому под колеса бросается черная кошка и водитель резко бьет по тормозам, машину заносит, но та чудом удерживается на колесах. И буквально через несколько минут он снова видит это же событие но уже не воображении, а наяву.

А пересекая железную дорогу, он точно также увидал идущего вдоль дороги на той стороне одинокую фигуру и нагоняющего ее товарный поезд, на одной платформе которого лежал огромный негабитный ящик, на метр в обе стороны выступающий за ширину колеи.

И Михаил «увидел», как этот ящик с маху бьет в спину и голову бредущего вдоль шпал человека, тот падает замертво под откос.

Перейдя через пути, он действительно увидал идущую к нему унылую фигуру, которая неуверенно перебирала ногами, стараясь не цепляться ботинками за шпалы, и Миша пошел навстречу, и действительно из-за поворота вылез локомотив товарняка, а затем пошли вагоны, цистерны... и вот он – ящик!

Михаил рванул вперед, тугой, словно кисель, воздух ударил в лицо.

Взревел тепловоз, это машинист нажал на сигнал, увидав бегущего навстречу человека.

Михаил пронесся мимо грохочущих вагонов и в последнюю секунду снес унылого пешехода под откос, и над ними прошел гигантский ящик из досок, а они лежали на мокром бурьяне в канаве и смотрели на проходящие мимо платформы, пустые и груженные вагоны.

– Ты кто? – спросил удивленный человек, выбираясь из-под Зверева.

– Спортсмен, – ответил тот, сам поднимаясь на ноги. – А вы тут чего делаете? Вас чуть не сбил негабаритный груз!

Мужчина потер лицо, посмотрел вслед уходящему товарняку.

– Да, кажется, так погиб художник Константин Васильев... слышали о таком?

– Не знаю. А вот вы сейчас могли бы погибнуть.

– И почти на том же самом месте...

И снова в голове Михаила словно взорвалась информационная бомба, его необычные картины, лицо художника... газетные статьи.

– Только это случилось в Казани у станции Лагерная, – проворчал Зверев, – а не в Москве, у Бескудниково.

Вылезший на пути интеллигент удивлено посмотрел на Зверева, сопоставляя его «нет» и знание обстоятельств гибели художника.

– Козел, – вслед Звереву произнес бывший интеллигент, –

а почему тогда его музей сделали в Лианозово?

Но Михаил уже бежал дальше.

И вот теперь у самого дома, Михаил думал лишь об одном, только бы мама его не увидела в таком виде... но как? Ключей нет. Впрочем, запасной ключ есть у соседки. Конечно, на глаза соседки тоже не хочется попадаться в тине и грязном бушлате, но все-таки это не мама.

По мере приближения к пятиэтажке, Михаил обретал уверенность, что мамы дома нет. Он вспомнил, что у нее в библиотеке шло очередное списание старого фонда и мама «спасала» наиболее ценные книги, принося их вечерами домой. Так у них появилось полное собрание работ Сталина, несколько томов Брокгауза и Эфрона, «Жизнь животных» Брэма, трехтомник русских народных сказок Афанасьева, «Государь» Макиавели, полное «академическое» издание А.С. Пушкина и много-много других, бог знает каким образом попавших в районную библиотеку редчайших, но издававшихся еще до войны в СССР, книг.

Соседка хмыкнула, увидав изгвазданного и всклокоченного Михаила.

– Чего случилось?

– Так, подрался с отмороженными хулиганами, – сказал Миша, – ключик дайте, пожалуйста. Мой потерялся.

В квартире он выкинул тельняшку в мусорку, сам удивляясь этому решению, но что-то подсказывало, это улика. Даже если заштопать. Бушлат и джинсы он засунул в стиралку, ту-

да же отправил труселя, носки. Оставались мокрые, вонявшие болотом берцы, их Михаил вынес на балкон. Жалко, что пропала сумка с кимоно и телефон.

Часами Зверев раньше не пользовался, хватало телефона. А теперь он каким-то образом точно знал время до минуты, а может и до секунды. Занятия в институте закончились. Теперь придется отрабатывать сегодняшние семинары и списать у Наташки лекции.

Наташа! Как он мог о ней забыть?

Михаилу стало стыдно. Действительно, это же его друг... не подруга, не любовница, а именно друг, единомышленник, самый надежный человек.

Номер ее мобильного всплыл в памяти, которая словно устыдившись многочасового прогула, теперь старалась наверстать должок и даже перевыполнить в чем-то, порой подсовывая какие-то чужие воспоминания.

Михаил выбрал в шкафу чистые трусы, но вдруг вспомнил – он-то не мытый! Срочно в душ!

А прежде надо позвонить Наташке.

Друг Евдокимова сняла трубку сразу, как увидела номер домашнего телефона Зверевых.

– Але! Мария Михайловна?

– Привет, Наталья!

– Мишка! – завизжала подруга в телефон, – а я тебя обыскала! Ты телефон посеял! Знаешь, что его нашли и мне звонили из прокуратуры!? Утром в семь. Хочешь, я зайду и

его заберу, мне по пути, это у метро Алексеевская. Я хотела сегодня в клуб съездить, узнать, где ты, но ты сам позвонил. Ты завтра придешь?

Все это Наташа выпалила за секунду. При слове «прокуратура» в голове Зверева звякнул тревожный звоночек.

– Я дома, Наташа, но я не помню вчерашнего дня, совсем не помню...

И опять пристыженная память показала ему, как он провозжал Наташу после тренировки, и потом отпустил ее в подъезд, не дождавшуюся прощального поцелуя, на который она так надеялась, что этот чурбан, наконец, увидит, что она его любит, и тоже станет к ней относиться правильно. А он в ней видит только друга, с которым всегда есть о чем поговорить, можно потренироваться и выпить пивасика в свободные минуты. И совсем не видит в ней хоть и маленькую, но все-таки женщину.

– Вот мы простились у твоего подъезда, и как отрезало, до часа дня сегодня, когда я пришел в себя на берегу Яузы, в Бабушкино. А как я там оказался? Не знаю. Сумки, телефона, денег, студенческого – ничего нет.

– А ты помнишь, что свои ключи мне отдал?

– Да? А зачем?

– Чего-то хотел, наверное, – съязвила Наташа. – Вот что, интересно?

Михаил потряс головой.

– Не помню. Ты можешь ко мне приехать?

– Сейчас?

– Как сможешь, я сейчас в душ и спать, и поесть... сперва поесть и потом спать.

– Хорошо, я сейчас заеду в прокуратуру, заберу твой мобильник и приеду... Это наверно, не раньше восьми или даже девяти получится. Не поздно?

– Нормально, я жду тебя.

Душ принес наслаждение и релаксацию. Сразу потянуло в сон. Михаил заставил себя съесть говяжью сардельку и пару ложек картофельного пюре, не разогревая в микроволновке. Завалившись на диван в своей комнате, он отключился.

Глава 4. Красная линия.

Если судить формально, то выспаться ему не удалось. Судя по внутренним часам, прошло чуть больше часа, его разбудил телефонный звонок.

Шлепая босыми ногами по линолеуму, Михаил дошел до аппарата в коридоре.

– Аллё.

– Миша! Как хорошо, что вы дома! Я и не надеялся застать вас, это Лемех! Вы помните? Я работал с вашим отцом! Еще в девяностых, ну вспоминайте. Мы же встречались еще до вашего ухода в армию! И на проводах я у вас был! Нам надо увидеться и поговорить!

И Зверев вспомнил, пухлощекий невысокий дядька с бородкой, как у Курчатова, в очках. Руководитель папиной лаборатории. Профессор Лемех, как его... Василий Федорович?

— Да, Василий Федорович, я помню. Когда вы хотите встретиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.